

РАЗКАЗЫ ОЧЕВИДЦЕВЪ О ДВѢНАДЦАТОМЪ ГОДѢ.

Т. II

Жизнѣ Шабобѣа о Малгспнѣа

ШК. IVI—ПОМ. ...I— Въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ типографіи (КАТКОВЪ И КО). На Отрадномъ бульварѣ.
1872.

РАЗКАЗЪ АПОЛЛОНА ДМИТРИЕВИЧА СЫСОЕВА, ИЗЪ КУПЕЧЕСКАГО ЗВАНІЯ.

Семейство было у насъ небольшое: дѣдъ, бабушка, мать и я, и Жили мы не богато. Дѣдъ мой бралъ товары на коммис-сію и получалъ проценты со всего проданнаго. Нанимали мы небольшую квартиру подъ Вѣсками.

Очень мнѣ памятно какъ стали всѣ говорить о Французахъ. У насъ въ семействѣ только и рѣчи было что придетъ Бона-парта и возьметъ въ полонъ Москву. Слѣдовало бы намъ ло-скорѣй выбираться по добру по здорову, и не мало о томъ разговоръ было, да идти-то некуда, вотъ бѣда, и пока у насъ толковали да разсугкдали, Французъ лодошелъ. Послѣ мой по-койный дѣдъ іюваривалъ что еслибъ знали впередъ сколько горя увидимъ, такъ ушли бы, каккется, на власть Богкію, хотъ въ чистое поле.

Мнѣ было тогда одиннадцать лѣтъ, и страха, разумѣтся, я никакого не зналъ, не понималъ что на насъ Богъ наказаніе посылаетъ. Разъ, дня три-четыре послѣ Бородинской битвы, бѣгалъ я по улицѣ около нашего дома, и вдругъ слышу разда-ются стоны. Я оглянулся и вигку, лежать нѣсколько человѣкъ по той сторонѣ улицы, и около нихъ ходятъ наши сосѣди. Я подошелъ: легкаты тутъ раневые, привезенные съ Бородинска-го поля. Зачѣмъ ихъ лологкили на улицу и не пріютили куда-нибудь въ домъ—этого я не знаю. У кого текла кровь по лицу, который былъ безъ руки или ноги. Сосѣди разносили имъ пить и ухаживали за ними. На другой день, когда я вышелъ на улицу, этихъ страдальцевъ тутъ угке не было. Наше маленькое добро придумалъ зарыть въ землю. Оста-вили только посуду необходимую, а платья и образа бабуш-ка и мать улогкили въ два сундука. Дѣдъ вырылъ яму въ саду; вызвался и я ему помогать и воображалъ что сталъ угке взро-слымъ человѣкомъ. Еще задумалъ я какую штуку: разказы-вали что угке нѣсколько дней разбираетъ народъ оружіе изъ арсенала, и очень мнѣ хотѣлось достать себѣ рукье. Все-то мнѣ думалось какъ я его повяжу черезъ плечо и буду во Французовъ стрѣлять. Изъ вашей стороны много выбралось народу, однако кое-кто оставался. И подбей я трехъ шалу-новъ, моихъ сверстниковъ, идти въ Кремль за ружьями. Ушли мы, отъ старшихъ разумѣтся тайкомъ, да лишь только добѣ-Жали до церкви Николы, къ вамъ навстрѣчу толпа военныхъ, и видимъ мы что мундиры не наши, а народъ столпился куч-ками, указываетъ на нихъ и кричить: Французы! Французы! мы что ни хватило духу, назадъ, и оремъ во все горло что Французы пришли. Мои такъ и обмерли: мать заплакала, ба-бушка чуть со стула не упала отъ страха, а дѣдъ побѣикалъ ворота запирасть.

Помнится что это было часу въ третьемъ либо въ четвер-тому Цѣлый вечеръ никто изъ дома не выходилъ, и спать мы легли не раздѣвшись. На другой день мы поднялись ране-хонько, и только-что встали, слышимъ шчмъ на дворѣ.

Дѣдъ заглянулъ въ окно. „Ну говорите, пришли непрошенные го-сти." И точно дворъ былъ полонъ непріятелей; они перелѣзли къ намъ черезъ заборъ. Мы забились всѣ въ уголь и Ждемъ: старшіе перекрестились и мнѣ приказали молитву про себя читать. Французы вошли, оглядѣли нашу квартиру, забрали фаявсовую и деревянную посуду что тутъ стояла, и ушли, а насъ не тронули.

Непріятельская армія вошла въ Москву въ понедѣльвикъ, ц тою же ночью начался погаръ, и все разгорался. А въ среду поднялась съ утра страшная буря, и закипѣлъ по всему горо-ду настоящій адъ. Около насъ горѣло вездѣ, и мы того и гля-дѣли что нашъ домъ вспыхнетъ. Дѣдъ говоритъ: „уйдемте къ БоЖедомкѣ, тамъ безопаснѣе будете". У БоЖедомки былъ большой, съ высокою оградой садъ, чей—не помню, и мы ду-мали до него добратъся. Перекрестились мы и вышли изъ до-ма съ пустыми руками, и брать-то было нечего. Дѣдъ шель впереди со мною, мать вела бабушку, а за ними наша работ-ница. Отошли мы нѣсколько шаговъ отъ дому, и оглянулись, а работницы нѣтъ. Мы остановились и принялись ее выкли-кать въ четыре голоса, а кругомъ все трещить и рушится, а буря такъ и воетъ. ПодоЖдали мы немноЖко и пошли своею дорогой. Такъ и не узнали куда дѣвалась наша бѣдная Ма-ланья: бросилась ли она въ другую сторону или ей удалось спа-стись, или она погибла—это одному Богу извѣстно.

Приходимъ въ садъ. Тамъ много народа сидѣло, и стояло много добра; чего, чего тутъ не было: сундуки, узелки, кузо-вочки и разная посуда. Садъ былъ большой, и всѣ сидѣли кучками, недалеко одни отъ другихъ, человѣкъ по пятнадцати и по двадцати,—кто къ кому приютится. Спали въ повалку на травѣ и питались чѣмъ Богъ пош.іетъ. Бродили по огородамъ и ѣли овощи, иной разъ удавалось отыскать какую - нибудь провизію въ погребахъ, а рѣдко когда приходилось до-сыта наѣсться.

Какъ утихъ погаръ, дѣдъ разбудиль меня разъ раннимъ ут-ромъ и велѣлъ идти съ собой на Москву-рѣку, гдѣ стояли барки съ пшеницей. Мы насыпали пшеницы въ мѣшокъ и по-шли къ Данилову монастырю. Тамъ былъ паточный заводъ, и мы слышали что Французы продаютъ патоку и покупателей не обиЖаютъ. Дѣдъ купилъ цѣлое ведро и заплатилъ сорокъ ко-пѣекъ. Французы не принимали ни нашихъ ассигнацій, ни мѣдныхъ денегъ, а брали только серебряныя.

Пшеница которую мы взяли съ барокъ совсѣмъ обгорѣ.іа. Мы разваривали ее въ водѣ и ѣли съ патокой. Помню еще тогда всѣ смѣялись и говорили что мы словно кого поминаемъ кутьей.

Приходили къ намъ иногда Французы. Обойдутъ всѣхъ и что имъ попадется то отымутъ, и всѣ отдавали свое добро, лишь бы голова на плечахъ осталась. Вѣдъ они съ ружьями да саблями, а мы съ голыми руками. Опять же у насъ все почти Женщины да старики, да дѣти, такъ ужъ приходилось терпѣть. Ну, а ужъ когда они къ намъ въ одиночку загляды-вали, либо человѣка два придутъ, такъ мы ихъ принимали тоже по-своему. Помню я разъ виЖу идетъ молодець, бравый такой, поЖивы тоже искалъ. Пасъ онъ не тронулъ, а прошель дальше и давай забирать чужое добро. Вдругъ бросились на него нѣсколько человѣкъ, и пошла потѣха: наши кричатъ и онъ кричитъ—помилованья просить. Да ужъ

гдѣ помилованья Ждать, когда люди сами безъ крова да безъ хлѣба, и еще послѣднее съ нихъ тащатъ. Вижу я куда-то поволокли бѣднаго Француза, а лотомъ наши вернулись одни; порѣшили, говорятъ, съ нимъ—задушили его да въ колодезь спустили.

На наше счастье стояла погода сухая, и пробили мы недѣли три въ саду. Этимъ временемъ пожаръ утихъ, но Жара сто-яла невыносимая: выгорѣли цѣлыя улицы, вездѣ дымились развалины и дымъ стоялъ такой густой что выѣдалъ глаза. А все Же можво было пройти безопасно по городу. И пошелъ дѣдъ узнать о своемъ сынѣ. Сынъ-то его въ людяхъ Жиль у Мясницкихъ воротъ, и знали мы что его хозяева изъ Москвы собирались выѣхать. Дѣду и захотѣлось провѣдать что у нихъ дѣлается: „Можетъ, говорить, домъ ихъ уцѣлѣлъ, и вѣрно кто при домѣ остался, такъ хоть вѣсточку какую принесу.“ Вер-нулся дѣдъ, и лицо на немъ такое веселое. „Ну, говорить, сла-ва Богу, сыйъ здѣсь, а хозяева выѣхали: домъ пусть, и мы туда переберемся. Сынъ бѣдный по насъ съ ума сходилъ. Про-вѣдываль то Же насъ, былъ въ нашей сторонкѣ, видитъ что домъ-то выгорѣлъ, и думаль что мы всѣ погибли. УЖь какъ онъ мнѣ обрадовался!“

Собрались мы мигомъ и пошли. Дядя насъпринялъ какъ са-мыхъ дорогихъ гостей, а мы и ему были рады, и тому ра-ды что подъ кровомъ. Изъ дома все было увезено кромѣ ме-бели. Вечеромъ мы поужинали, улеглись на диванахъ и за-снули, только не раздѣвались, все боялись какая тревога, чтобы по крайней мѣрѣ быть наготовѣ.

На другой Же день пряходятъ къ намъ Французы на постой: человекъ около тридцати. Мы было испугались, а дядя гово-рять: „ничего, намъ еще съ ними безопаснѣе будетъ. Около насъ стоятъ Французы, и Ре слыхать чтобы они кого обиЖали. Домъ большой: и имъ будетъ мѣсто и намъ.“

Отвелъ онъ имъ нѣсколько комнатъ, и они тутъ располо-жились. Потомъ пришли къ намъ человекъ три, рЖаной муки принесли, и показываютъ чтобы мы имъ испекли хлѣба. Мать и бабушка сейчасъ Же замѣсили квашню, и на другой день поставили хлѣбы въ печь. У насъ, каЖется, отъ одного хлѣб-наго запаха веселѣй на душѣ стало, давно уЖь мы его не слы-хали. Одинъ хлѣбъ мы себѣ оставили, а другіе дѣдъ отвесъ нашимъ постояльцамъ. Глядимъ, идетъ назадъ, и хлѣбъ у него въ рукахъ. „Добрые люди, говорить, дали намъ за труды.“

Мы имъ черезъ день пекли хлѣбы: каЖдый разъ себѣ одинъ оставляли, да они другой давали, и кромѣ того еще была провизія въ хозяйскихъ погребахъ, такъ что мы отъ голода не терпѣли.

А доносились мы до лохмотьевъ, въ особенности обувъ вся на насъ истлѣла. У/къ не помню дѣдъ ли, дядя ли достали ко-Жу съ чайныхъ цибиковъ, выкроили изъ нея башмаки, сшили ихъ кой-какъ бичевками, и мы всѣ въ этихъ башмакахъ ще-голяли на босу ногу.

Я иногда уходилъ изъ дома и бродилъ по сосѣднимъ ули-цамъ. Разъ встрѣтился мнѣ Французъ: онъ ѣхаль верхомъ и ка-ску дерЖаль въ рукѣ, а на головѣ у него кокошникъ. Ёдетъ, лод-боченясь, во всѣ стороны озирается, а самъ смѣется. Веселый на-родъ, нечего сказать, да уЖь подъ конецъ-то имъ не

до смѣха при-шлось. Удалось мнѣ увидеть какъ они отъ насъ уходили. Я стоялъ на Ильинкѣ, и вигку они посыпали къ Красной Площади. УЖЬ тутъ они не въ кокошники нарядились для потѣхи, а навьючили на себя всякаго тряпья. Кто въ Женскомъ капотѣ или капорѣ, кто подвязалъ уши полотенцемъ, кто въ поповской ризѣ, а у самого губы посинѣли отъ холода, у иного одна но-га босая, а другая въ сапогѣ. Еслибъ не мои глупые годы, такъ сердце бы каЖется сгкалось надъ ними. Суматоха кипѣла на площади: тутъ и фуры и пушки, и пѣшіе и конные; крикъ, шумъ, что и разказать не разкаЖешь. Долго я смотрѣлъ на нихъ, а потомъ побѣЖалъ домой и разказадъ чтѣ видѣдъ. Дѣдъ перекрестился и говорить: „Это они, долЖно-быть, уби-раются отъ насъ.“

А наканунѣ и наши постояльцы отъ насъ ушли. Вдругъ за-суетились, собрались, и были таковы.

Какъ принесъ я домой добрую вѣсть что отправились во свояси непрошенные гости, вышли мы на свою улицу. Съ которыми изъ нашихъ встрѣчались, тѣ говорили что Францу-зы точно Москву оставили: многіе видѣли какъ они потяну-лись къ заставамъ. Ушли они, да не всѣ: въ Кремлѣ стоялъ еще одинъ изъ ихъ начальниковъ со своимъ отрядомъ. Успокоиться совсѣмъ мы не могли, и изъ предосторожности спали лопреЖнему, не раздѣваясь.

ЛИШЬ только они ушли, начали свои грабить,—и тѣ что въ городѣ оставались, да и сосѣдніе крестьяне явились на поЖи-ву. Пѣлыхъ три дня грабили нещадно; въ казенной палатѣ оставалось множество мѣшковъ съ мѣдными деньгами, и многіе тутъ поЖившшсь. Съ иныхъ цъ взыскать нельзя было: вѣдъ съ голода умирать приходилось. Ходилъ и дѣдъ въ казенную падату и лринесъ на 25 руб. мѣдныхъ денегъ. „А то, говорить, чѣмъ я васъ кормить-то стану?“ А другіе безо воякой совѣсти на все брасались; да уЖЬ хоть бы брали что могли, а не ис-требляли бы даромъ чужаго добра. Много его погибло безо всякой пользы. Я вѣдѣлъ какъ на Мясницкой съ верхняго этаЖа дома Салтыкова выбрасывали мебель. Она разбивалась о мостовую, и крестьяне увозили столы и стулья безъ ноЖекъ. Богъ знаетъ сколько времени продолжался бы грабеЖъ, еслибъ не подоспѣли казаки да полиціа.

Дня три послѣ выстулленія Наполеона, изъ Москвы, легли мы спать. Бдругъ, долЖно-быть уЖЬ за полночь, раздался взрывъ въ Кремлѣ. Нашъ домъ заколыхался, и вся мебель заходила. Мы себя не вспомнили отъ страха и бросились веѣ гизъ дома. Стоимъ мы среди двора и слова не вымолвимъ, еще въ себя не придемъ, какъ загремѣ.иъ другой взрывъ. Тутъ мы подума-ли что пробиль нашъ смертный часъ и стали прощаться другъ съ другомъ. Помнится что было еще три взрыва, и мы до са-мага разсвѣта просидѣли на дворѣ.

Сердце надрывалось глядя на Москву. Иные кварталы такъ выгорѣли, что улицъ нельзя было признать: все было разру-шено и вездѣ валялись гнилые лошадиные и человѣческіе трупы. Долго еще послѣ ухода непріятели полиціа ихъ истреб-ляла. Складывали ихъ огромными кучами и Жгли на берегу рѣки или въ полѣ за заставами. Разъ у Лефортовской заста-вы я видѣлъ наваленную груду тѣлъ, и подошелъ побдиЖе по-смотрѣть. Да какъ взглянулъ я на нихъ, во мнѣ отъ вЖаса сердце перевернулось, и цѣлый почти мѣсяцъ я не рѣшился взять въ ротъ куска мяса.